

БОРИС ЗУБАВИН
НА ШИРОКОМ
ПРОСТОРЕ

Повести и рассказы

Борис Зубавин

НА ШИРОКОМ ПРОСТОРЕ

ПОВЕСТИ И РАССКАЗЫ

Издательство ЦК ВЛКСМ
„Молодая гвардия“

1956

ОЖИДАНИЕ

(Записки офицера)

1

Наступление началось в феврале. Мы тронулись по сугробам в ватниках, полушубках, валенках, ушанках, по дороге все это сменили на шинели и сапоги и остановились только в конце апреля, когда все вокруг стало зеленеть и старшины поехали получать летнее обмундирование.

Наш отдельный пулеметно-артиллерийский батальон с ходу принял участок в 136-й дивизии, очень потрепанной во время этого долгого наступления. Мы тоже имели потери и на марше получили пополнение.

Я со своей ротой оказался в резерве и, когда заходил в штаб или на КП батальона, часто слышал разговоры о «Матвеевском яйце». Это было самое беспокойное место во всей дивизии. Общая довольно стройная линия переднего края здесь разрывалась и глубоко вдавливалась во вражеские позиции. Две стрелковые роты, находившиеся там, обстреливались фашистами с трех сторон и днем и ночью. Из штаба то и дело звонили в нашу третью роту и спрашивали:

— Как правый сосед? Больше смотрите направо!

Немцы во что бы то ни стало хотели выровнять линию своей обороны, а нам нужно было сохранить эту вмятину как плацдарм для нового наступления.

К этому наступлению уже началась подготовка, и все с утра до утра следили за «Матвеевским яйцом». У нас в штабе только и слышалось:

— Смотрите направо! Больше смотрите направо!

И вот однажды ко мне пришел заместитель командира батальона Станкович и сказал:

— Вызывай офицеров. Я говорю, — он был белорусом и вместо «ю» выговаривал «у». — Я говорю, теперь одна морока будет у нас с тобой.

Пришли лейтенанты Лемешко и Сомов, вслед за ними явился, добродушно и застенчиво улыбаясь, младший лейтенант Огнев. В углу землянки шумели, наседая на старшину роты, комбатр Веселков и минометчик Ростовцев. Позднее всех ввалился, на минуту заслонив собою всю дверь, мой заместитель по строевой двадцатичетырехлетний богатырь старший лейтенант Макаров.

Перед тем как попасть к нам в батальон, Макаров летал на истребителе, был подбит, рухнул вместе с машиной на землю, но — счастливый случай — остался жив и, пролежав полгода в госпитале, признанный врачебной комиссией негодным к дальнейшей службе в авиации, пришел к нам в пехоту. Было это зимой. Он медведем влез в блиндаж, простежки улыбнулся, приложил руку к лихо сдвинутой набекрень ушанке и доложил:

— Старший лейтенант Макаров прибыл для дальнейшего прохождения службы, — и как-то незаметно за один вечер перезнакомился и подружился с офицерами.

— Все? — спросил Станкович.

— Все, — ответил я.

В землянке сразу стало тихо.

— Так вот, пошли принимать «Матвеевское яйцо». — И, распахнув дверь, Станкович первым вышел на улицу.

По дороге нас встретил заместитель командира соседнего полка, майор в щегольской фуражке защитного цвета, козырек которой был похож на утиный нос. Такие фуражки шили из старых гимнастеров портные полковых мастеровских.

— Многовато, — сказал он, оглядев нас.

— Почему? — спросил я.

— Ну, почему, — уклончиво отозвался он. — Ясно почему.

Мне ничего не было ясно.

— Ладно, там видно будет, — проговорил я.

Скоро мы вышли в поле, на котором стояли три подбитых немецких танка. Впереди виднелся кустарник, несколько одиноких елок, а правее разлилось огромное болото, за которым стеной стоял лес.

— В этом лесу ваш правый сосед, — сказал майор.

Мы спустились в овраг. Я спросил, сколько отсюда будет до переднего края.

— Тысяча двести метров. — Майор остановился, вынул из планшета карту и показал мне: — Вот овраг, а вот ваш передний край. Ровно тысяча двести метров.

— Ростовцев, — сказал я минометчику, — оставайтесь здесь.

Овраг скоро свернул в сторону, прямо к тем кустам с одинокими елками, и на полпути кончился широким лугом. Здесь, на самом конце оврага был блиндаж, в котором стоял резервный взвод автоматчиков. С правой стороны кустов, за болотом, на самом краю леса виднелись два немецких дзота. Вода сейчас подступала к самым амбразурам. В дзотах, казалось, никого не было. Слева, на гребне небольшого холма, торчали рога-тки фашистской колючей проволоки.

— Здесь тебе тоже надо будет оставить резерв, — сказал Станкович.

Мы порешили на том, что поставим здесь взвод противотанковых пушек и два ручных пулемета. Слева, по пашне и по лугу, можно было ожидать танков.

— Так что же, всех берешь, капитан? — спросил майор.

— Всех, — сказал я.

— Ну, смотри. Давайте только рассредоточимся. — И, надвинув плотнее фуражку, он побежал к кустам по лугу. И сейчас же вжикнуло несколько пуль. Майор, не обращая на них внимания, бежал по лугу, чуть пригнувшись и петляя.

— Пожалуй, не стоит всем, — задумчиво сказал Станкович, глядя вслед майору.

— Пожалуй, не стоит, — согласился я.

Мы оставили командиров взводов и побежали вслед за майором. Нас тоже обстреляли.

Майор сидел на краю оврага и, поджидая нас, счищал щепочкой грязь с сапог.

— Ну как? — спросил он.

— Хорошее местечко, — сказал я, тяжело дыша.

— Куда уж лучше, — согласился он.

К нам поспешно подбежал старший лейтенант, одергивая на ходу довольно помятую и давно не стиранную гимнастерку, и доложил, что у него все благополучно. Лицо его было очень усталым, а глаза — красные, не то от дыма, не то от бессонных ночей. Я с некоторым сожалением и с той брезгливостью, которая всегда присуща чистому человеку, рассматривал его грязные кирзовые сапоги, небритые щеки.

— Вот, — сказал ему майор, — сдавайте участок капитану.

— А я? — недоверчиво спросил тот.

— Пойдете на отдых.

— Так принимайте, — нетерпеливо и приветливо обратился ко мне старший лейтенант.

Он сразу помолодел и стал стройнее оттого, что пойдет со своей ротой в тыл и будет там отдыхать, и уже теперь начал с сожалением рассматривать меня и в то же время как бы говорил глазами: «Посмотрим, как ты будешь выглядеть здесь через недельку».

Сдавать ему, собственно, было нечего. Овраг, начинавшийся от болота, расходился дальше двумя рукавами наподобие клешней рака. Между клешнями рос кустарник. В оврагах, ничего не видя дальше десяти-пятнадцати метров, сидели стрелки и автоматчики. Землянки были низкие, сырые, тесные и — никаких окопов, дзотов, проволочных заграждений.

— А там что? — ткнул я пальцем в сторону кустов.

— Мины, — сказал старший лейтенант.

— Покажите схему минных полей.

— Да там такие мины, — смутился он. — Мы сами их ставили, без плана. Гранаты там подвязаны.

Облазив овраг, мы вернулись в блиндаж командира. Он был хотя и чище и просторнее, чем другие, но такой же сырой и низкий.

— Ну? — спросил Станкович.

— Хуже не придумаешь, — ответил я.

— Ну что же, — как-то с сожалением посмотрев на меня, сказал он. — Принимай. В двадцать три ноль-ноль доложишь о смене. Бывай здоров! — И, крепко пожав мне руку, они с майором ушли.

Подписав акт о приеме переднего края и взяв один экземпляр себе, я вышел из блиндажа и сел на склоне оврага. Настроение было подавленное, словно меня загнали в мышеловку и теперь осталось только захлопнуть ее.

2

В сумерках, погромыхая коробками с лентами, согнувшись под тяжелыми станками пулеметов, гуськом пришел первый взвод. Впереди шагал Макаров.

— Ну как, командир? — загудел он, увидев меня. — Дыра?

— Дыра, — подтвердил я.

— Не пропадем! — весело заверил он.

Подошел Огнев и спросил с обычной своей улыбкой:

— Куда мне?

А сзади уже скатывались в овраг солдаты другого взвода.

В блиндаже лениво переругивались телефонисты, устанавливая коммутатор, и радист тихо твердил, пригнувшись в углу со своей рацией:

— Я — Орел, я — Орел, я — Орел... Как меня слышите? Как слышите?.. Перехожу на прием.

Наступала ночь. Трассирующие пули летели над нами слева направо, справа налево, прямо в лоб, а иногда прилетали даже откуда-то из наших тылов. Это, наверное, из третьей роты. Завтра надо будет договориться, чтобы поставили ограничители.

Пришел Ростовцев и доложил, щелкнув каблуками:

— Минометы установлены. Половина взвода копает землянку, половина занята подноской мин. — Потом,

помолчав, скручивая папироску, сказал: — Сейчас мимо артиллеристов шел, укрытия копают для пушек. Веселков велел передать, что дивизионки... — Он огляделся и удивленно произнес: — Вот чорт, со всех сторон стреляют!.. Дивизионки установлены на опушке.

С одиннадцати часов ночи я вступил со своей ротой в полное и безраздельное владение «Матвеевским яйцом». Я вглядывался в схему переднего края, и тревожные мысли не покидали меня. «Только бы прошла она, эта первая ночь! — думал я. — Завтра же надо сделать все, чтобы обеспечить здесь более или менее сносную жизнь. Знают ли фашисты, что у нас произошла смена? Только бы не лезли они ко мне этой ночью! Завтра нам будет легче. Мы оглядимся, пристреляемся, устроимся прочнее. Что там, за теми кустами?..»

Напротив меня сидел телефонист Шубный. На его большой голове висела ловко прилаженная на черной тесемке телефонная трубка, и он беспрестанно разговаривал с дежурными взводов. Разговаривал с умыслом: чтобы они всегда были на проводе.

— Волга, Волга! Я — Орел. Ты что, заснул? Нет? А что? Дрова в печку подкладывал. Ты смотри не спи, а то дрова прогорят, зараз и попадет от лейтенанта. Как у вас там, в порядке? Стреляет? Хорошо. Светит? Хорошо. Значит, в порядке. — И он переключался на другой взвод, перекинув толстыми ловкими пальцами рычажки коммутатора. — Кама, Кама! Я — Орел. Га! Це ж ты, Хоменко? Ты мене чуешь? Та це я, Шубный. Чуешь? О, добре. Ну, як там у вас? Сплять? Уси сплять? А, не, не уси. Кто спить, а хто на посту. Ну, як вин, стреляе? Ага, стреляе. Хай ему!.. Слухай, Хоменко, чи не був ще у вас двенадцатый? Був и с тобой балакав? О! Про шо, про твою дивчину? Ни? А про шо? А-а, про то, як телехвон работае... И пийшов? До кого? Ага!..

С этим Шубным я вначале хлебнул горя. Пришел он ко мне год тому назад с пополнением. Мы тогда стояли на переформировке в чистых больших рыбацких деревнях на озере Селигер. Один вид Шубного сразу внушил моим командирам много всяких сомнений. Он

даже не умел как следует мотать обмотки. Ремень не перетягивал, а лишь поддерживал его толстый живот. Назвался он ездовым, но старшина, хитрейший мой старик, оглядев его, сказал:

— Нужен мне такой ездовый, как... — и сплюнул.

Я отдал Шубного командиру минометного взвода Ростовцеву: пусть потаскает минометную плиту, порастрясет жир. Неделью спустя Ростовцев с жаром стал мне доказывать, что минометчика из Шубного не выйдет. На занятиях он безмятежно спит и вообще...

— Переведите его куда-нибудь, в пэтээр, что ли. Измучил он меня.

И пошел мой Шубный гулять из взвода во взвод, мучая командиров. То застанут его читающим книжку на посту, то надерзит кому-нибудь. Разумеется, прежде чем попасть в очередной взвод, Шубный посещал гауптвахту.

Майор Станкович как-то спросил:

— Что это у тебя Шубный, как я ни приеду, все с тряпкой по деревне, словно старьевщик, ходит?

Я рассказал: с тряпкой он ходит потому, что, пока солдаты занимаются, он моет в избах полы. Не сидеть же ему без дела неделями.

— А попробуй-ка ты его к себе взять, — подумав, сказал Станкович. — Чтобы он у тебя на глазах был все время. Ну, в отделение связи хотя бы.

Я так и сделал. После этого Шубного словно подменили. Работа телефониста пришлась ему по душе. На дежурства он выходил чисто побритый, так старательно перетянув ремнем живот, что даже дышал с хрипом. Уже через месяц он стал одним из лучших телефонистов. Когда он дежурил, я был спокоен: на коммутаторе у меня полный порядок...

— Я — Орел, я — Орел. Здесь. Нет, не спит.

Я беру трубку. Это Макаров. Он и мой ординарец Иван Пономаренко ходят поверяющими. Сейчас они на правом фланге. Макаров спрашивает, как дела, смеется.

— Я тут ребятам, чтобы не спали, сказку рассказываю.

— Ладно, — говорю ему, — давай домой.

— Я — Орел, я — Орел, — бубнит Шубный. — Ты что, заснул? А, письмо писал! Добре. От меня привет передай. Как у вас там, стреляет?..

Наша первая ночь в овраге шла на убыль. Наступал рассвет, медленный, мгlistый. Туман, плотный и такой густой, хоть в пригоршни его бери, заволок все болото, вполз в овраги. Становилось все тише и тише. Кончалась ночная перестрелка. Скоро взойдет солнце, рассеет туман и можно будет оглядеться повнимательнее. Прежде всего надо проверить, что находится там, за кустами, вклинившимися между оврагами, между первым и четвертым взводом. Звоню начальнику штаба, докладываю, как прошла ночь, прошу выслать ко мне саперов с миноискателем.

3

Они пришли часа полтора спустя. Никита Петрович Халдей, мой заместитель по политчасти, молча наблюдавший за тем, как мы с Иваном Пономаренко снаряжаем автоматные диски, вдруг сказал:

— Нет никакой необходимости итти туда самому командиру роты. Это с успехом можно поручить любому офицеру.

Никита Петрович прибыл к нам в роту из тылового госпиталя. Политработник он был сильный, талантливый, и сразу почувствовалось, как с его приходом у нас по-новому заработали и партийная и комсомольская организации и в каждом взводе стали выходить злободневные боевые листки. На КП он бывал мало. Приходил лишь поесть, поспать, подготовиться к новой беседе и снова отправлялся к солдатам, которые души в нем не чаяли, так как он не только перезнакомился со всеми солдатами, но знал, как зовут их жен, матерей, детишек, как там, в тылу, живут они. Он был так внимателен и заботлив, что Макаров не напрасно говорил, что Никита Петрович «отец наш родной». Так оно и было на самом деле. Следует сказать, что Никита Петрович по возрасту был старше всех нас, а таким, как Макаров, и впрямь в отцы годился.

— Меня это не устраивает, — возразил я. — Надо самому знать весь передний край.

— Вы отвечаете за подразделение...

— Вот поэтому-то я и хочу знать все сам. Давайте оставим этот разговор.

— Этот разговор оставить я не могу, — взволнованно проговорил он и даже поднялся.

— Ну, сидеть в этих оврагах с завязанными глазами я не стану.

— Вы, по сути говоря, идете в разведку и должны получить на это разрешение командира батальона. — Он становился все настойчивее.

— И к командиру обращаться за каждым пустяком гоже не стану. Пошли, Иван.

Кустарник стоял высокий, выше человеческого роста. Это скорее был даже не кустарник, а мелколесье. Несколько высоких густых елей виднелось впереди. Я задумал: как дойдем до одной из них, так заберусь повыше и понаблюдаю за немцами.

Саперы, приладив миноискатель, осторожно, словно боясь кого-то разбудить, шли впереди. Они то и дело останавливались и обрезали бечевки. Гранаты «РГД» почти все лежали на виду. Но бечевки, протянутые от них к стволам осинок, было трудно разглядеть.

Мы гуськом — впереди сержант с миноискателем, за ним другие два сапера, потом я и замыкавший шествие Иван Пономаренко — все дальше и дальше забирались в кусты. Был тихий утренний час, когда весь передний край умолкает, так сказать переходит на дневной распорядок, когда в окопах остаются дежурные пулеметчики, наблюдатели да снайперы, а все остальные отдыхают, моются, завтракают, бреются, спят, читают газеты, пишут письма. Был тот обманчиво-тихий утренний час, когда казалось, что, кроме тебя, на десятки километров вокруг никого нет и войны никакой нет, ты можешь выпрямиться, отбросить постоянную настороженность. Слышалось лишь легкое похрустывание веток под ногами.

Мне стало казаться, что в этой тишине мы уже далеко зашли, когда вдруг раздалась автоматная очередь.

Пули вжикнули мимо нас. Мы упали на землю. Я ткнулся головой в кочку, слыша вторую, третью, четвертую очереди, чувствуя, как пули с легким чавканьем входят в землю вокруг моей головы. Кто-то видел нас, следил за нами. Надо было уходить.

— Назад! — крикнул я. — Перебежками по одному! — И тут же, перепрыгнув через меня, протопал ботинками сержант с миноискателем, за ним — второй сапер, третий. Я вскочил, метнулся следом, крикнул Ивану Пономаренко:

— За мной!

Оказалось, мы зашли в кустарник всего метров на тридцать, не больше.

— Все целы? — спросил я, когда выбежали на тропу.

Тяжело дыша, сержант сказал:

— Кажись, все.

— Откуда он мог бить по нас?

— Наверно, с елки, товарищ капитан, больше неоткуда.

Да, вероятно, так оно и было. Только с елки он мог видеть нас. Значит, немцы забрались в кусты раньше, чем мы. Они посадили на елку «кукушку» и просматривали почти все наше расположение. Мало того, что мы, сидя по оврагам, видели не дальше своего носа, — немцы контролировали даже и эти овраги.

На КП меня встретили тревожные, вопросительные взгляды Халдея, Макарова, Шубного. Впрочем, Халдей смотрел на меня не столько тревожно, сколько осуждающе. Это меня еще больше разозлило.

— Ну, нечего глаза таращить, — набросился я на Шубного. — Вызывай Сомова и Огнева.

— Кама, Кама! — испуганно забубнил Шубный, сопя от усердия. — Давай девятнадцатого, одиннадцатый будет говорить. Дон... Двадцать второй... одиннадцатый на проводе...

— Слушайте внимательно, — сказал я. — У тебя, Огнев, слева, у тебя, Сомов, справа в кустах три елки. Сшибить с вершин все сучки.

— Пулеметом? — с хрипотцой спросил Сомов.

— Ты что, спал, что ли?

— Спал.

— С добрым утром! — весело поздравил его Огнев.

— Действуйте.

— Есть, — ответили они в один голос.

Ударили станковые пулеметы. Я вышел из блиндажа. С елок сыпалась хвоя. Они оголялись на глазах. Вдруг вся макушка одной из них, самой высокой, закачалась и, чуть задержавшись, стала медленно валиться на землю. Это сделал, конечно, Огнев, самый лучший пулеметчик роты.

— Все, — с удовлетворением заметил Иван Пономаренко, стоявший рядом со мной. — Теперь не только зозуле, а и горобцу причипиться нема за што.

Я вернулся в блиндаж.

Шубный имел привычку подключаться к коммутатору батальона и слушать, о чем разговаривает штаб с командирами других рот, какие поступают распоряжения с КП батальона. Безвылазно сидя у меня на телефоне, Шубный тем не менее был самым осведомленным в батальонных делах человеком. Сейчас он тоже подслушивал и доверительно прошептал мне:

— Про вас разговаривают.

Я взял трубку. Разговаривал командир батальона подполковник Фельдман, маленький, толстый, очень храбрый человек, со своим заместителем Станковичем, который находился в третьей роте.

— Так вот, — говорил Фельдман. — Если успеешь, побывай у него и обязательно передай этому обормоту от моего имени, что, если он вздумает снова без моего разрешения итти в разведку, я сниму его с должности командира роты.

Послышался смех Станковича, потом он сказал:

— Ладно, я с ним поговорю.

Покраснев, я положил трубку на стол и подумал: «Ладно, говорите! Сами бы тоже так поступили».

— Выключись, к чортовой матери! Нечего подслушивать чужие разговоры. Завели моду висеть на чужих проводах, сплетни собирать! Где Халдей?

— Я здесь, — отозвался тот, выходя из дальнего угла блиндажа.

— Нажаловались, Никита Петрович?
— Про что?
— Про кусты, известно про что!
— Я не жаловался, а только сказал подполковнику, когда он спросил, где вы. Вот и все.

Халдей, спокойный, умудренный годами, уверенный в своей правоте, стоял передо мной и с тем сожалением, с каким обычно умные люди смотрят на того, кто делает глупости, но кто старше их по должности и в силу этого они не могут возражать ему, глядел на меня.

4

Передний край моей роты дугою растянулся чуть ли не на два километра. По оврагам, по кустам, не видя друг друга, маленькими гарнизонами сидели четыре пулеметных взвода.

На левом фланге стоял лейтенант Сомов. С соседом, нашей третьей ротой, которая находилась почти на километр левее его и в тылу, у Сомова была огневая связь. Правым его соседом являлся младший лейтенант Огнев, между ними — кусты, в которых меня обстреляла «кукушка». Дальше, в овраге, сидел со своими людьми лейтенант Лемешко, а еще дальше — взвод старшины Прянишникова. Потом начиналось болото, густо поросшее кустами, а за болотом, в лесу, находился наш правый сосед.

На переднем крае шла обычная для нас жизнь. Старший лейтенант Веселков и лейтенант Ростовцев начали пристреливать орудия и минометы, ставить перед пулеметными взводами заградогни. Постукивали пулеметы: это командиры, сговариваясь по телефону, устанавливали ориентиры кинжальных и фланкирующих огней для ночной стрельбы, готовились, при необходимости, прикрывать друг друга. Пристрелкой руководил Макаров. Мы еще ночью уточнили с ним все, что надо будет сделать днем, и нарисовали примерную схему обороны.

Пришли на КП Ростовцев и Веселков. Орудия и минометы пристреляны. Перед каждым взводом поставлены неподвижные заградительные огни. Надо дать им

названия, условные серии ракет. Решили назвать огни «Лось», «Верблюд», «Тигр» и «Слон».

Веселков с честью носил свою фамилию. Это был песенник, балагур, плясун. Вот и сейчас — уселся на нары, сдвинул фуражку на затылок, привалился плечом к стенке и потихоньку запел:

Расцветай, кудрявая рябина,
Ох, да наливайтесь вишни соком вешним...

Рябоватый малоразговорчивый Ростовцев, сидя подле него, скручивал папироску. Звание лейтенанта Ростовцеву присвоено недавно. Раньше он был сержантом и еще не привык к офицерским погонам, они смущают его. Очевидно, поэтому он несколько дней ходил вообще без погон; сержантские снял, так как уже перестал быть сержантом, а надеть офицерские погоны стеснялся: видимо, слишком неожиданным был для него этот переход, если можно так выразиться, из сержантского в офицерское положение. Лишь после того, как я сделал ему замечание, он надел погоны.

Не успел Веселков закончить своей песни, меня вызвали наверх. В овраге стояла толпа автоматчиков. На склоне оврага сидел генерал Кучерявенко, командир дивизии, в оперативном подчинении которой находился наш батальон. Генерал о чем-то разговаривал со своим адъютантом, стоявшим подле.

— Командир четвертой роты капитан... — начал я докладывать, но генерал перебил меня:

— Ладно, знаю. Пойдем посмотрим, как вы тут устроились.

Я повел его во взвод Лемешко. Дорога туда была самой безопасной.

— А ведь обстреляли нас, сволочи, — вдруг сказал генерал.

— Вы напрасно днем пришли сюда, — ответил я. — Опасно же...

— Ну, это еще полбеды, — весело отозвался он. — Люди-то твои ходят?

— Ходят.

— А мы не люди, что ли?

Когда мы пришли во взвод Лемешко и, высунув перископ, смогли увидеть лишь небольшой участок ничейной земли, а дальше все скрывалось от нашего взора за бугром, генерал призадумался. Отдав перископ Лемешко, он долго молчал, покусывая прутик.

— Плохо, — наконец проговорил он. — Как по-твоему, сержант? — обратился он вдруг к сержанту Фесенко, стоявшему тут же.

— Не видно ничего, товарищ генерал, — бойко ответил тот. — Надо вперед продвинуться. А так — разве это война?

Генерал, прищурясь, посмотрел на меня. Лицо его оживилось; он как бы спрашивал с веселым любопытством своими зоркими, небольшими, окруженными старческими морщинками глазами: «Понял ли ты что-нибудь? Неужели ты ничего не понял?»

— Мда... — с сожалением проговорил он, видя, что я молчу и, стало быть, в самом деле ничего не понял. — Ну, будьте здоровы! — И пошел, помахивая прутиком, в распахнутой шинели, обратно. Мы тронулись следом.

День был солнечный, теплый. Не доходя до моего блиндажа, генерал сел на землю и сказал мне:

— Садись, капитан.

Я сел.

— Боевой устав пехоты у тебя с собой?

— Он в блиндаже. Я сейчас принесу.

— Не надо. Боевой устав пехоты должен быть у командира всегда при себе, в полевой сумке. — По его сердитому голосу было видно, что он теперь недоволен и мной как командиром роты и тем, как я устроился здесь со своей ротой.

Это показалось мне обидным.

Я сказал, что у меня нет сумки, а только планшетка, в которую устав не влезает. Карту я всегда ношу с собой.

— Какой участок занимает рота по переднему краю? — спросил генерал, очевидно подумав, что я самый отпетый олух.